

Содержание

Предисловие	5
Благодарности	7
Благодарности издателя	8
1. Секс и Средневековье	9
Исследования сексуальности	18
Источники знаний о средневековой сексуальности	27
Средние века и современный мир	46
2. Сексуальность целомудрия	61
Раннее христианство	66
Монашество	77
Целибат у священников	87
Целомудрие как добровольный выбор	94
Девственность и искушение	105
Эротика в целомудрии	109
3. Секс и брак	120
Брак и закон	123
Власть в браке	130
Брак, деторождение и грех	134
Бездетный брак: целомудрие и контрацепция	141
Супружеский секс и ритуальная чистота	151
Мужья, жены и удовольствие	156
Сексуальные практики в браке	163
4. Женщины вне брака	174
Женщины и прелюбодеяние	176
Сексуальная активность незамужних женщин	192
Конкубинат и квази-брак	200

Проституция	208
Гомосексуальная активность женщин	217
Насилие и принуждение	227
Сексуальность женщины как угроза для мужчин	237
5. Мужчины вне брака	243
Привилегированность мужчин и запретные связи	244
Доминирование и сексуальные возможности	251
Гендерные роли и мужская сексуальность	260
Содомия и инаковость	266
Содомия и грех	271
Однополые практики	281
Любовь между мужчинами	290
Послесловие. Сексуальность в средние века и в наши дни	304
Дополнительная литература	318
1. Секс и Средневековье	318
2. Сексуальность целомудрия	323
3. Секс и брак	330
4. Женщины вне брака	336
5. Мужчины вне брака	343
Послесловие	350

Предисловие

Осенью 2021 года на экраны кинотеатров выходит «Последняя дуэль» Ридли Скотта. Фильм идёт два с половиной часа и немедленно проваливается в пандемийном прокате, собрав всего 30 миллионов долларов при бюджете более чем в три раза больше. Но критикам фильм нравится. В средневековых декорациях Ридли Скотт рассказывает реальную средневековую историю изнасилования с точки зрения трёх человек: насильника Жака Ле Гри, изнасилованной Маргариты де Карруж и её мужа Жана де Карружа. Фильм поделён на три части, каждая из которых представляет “правду” (а на самом деле взгляд) того или иного персонажа. И даже сцена изнасилования в фильме показана с разных ракурсов и точек зрения: мужской и женской.

Зачем всё это в предисловии к книге? Потому что один из основных тезисов Рут Мазо Каррас состоит как раз в том, что секс и сексуальный опыт мужчин и женщин Средневековья был очень разным. И секс действительно менялся в зависимости от гендера. Онанизм, анальный секс, гомосексуальный секс не поощрялись, но по разному интерпретировались средневековыми авторами, по разному осуждались. Гомосексуалы-мужчины и гомосексуалы-женщины — вообще две отдельные истории. Как пишет Рут Мазо Каррас нам известно всего двенадцать средневековых уголовных дел о женщинах-лесбиянках. И гораздо больше дел дошло от мужчин (в том числе известно даже чудесное спасение двенадцатилетнего мальчика, которого хотели сжечь в Авиньоне за секс с другим мужчиной в пассивной роли, но его с костра увела лично Дева Мария, явившаяся перед казнью).

Менялся секс и в зависимости от конфессиональной принадлежности общины. Ведь нельзя забывать, что в Европе жили и живут не только христиане (в первую очередь Рут Мазо Каррас пишет, конечно, о католиках), но и мусульмане, а также были многочисленные еврейские общины. И у всех у них был разный секс и разные представления о нём, о запретном и наказуемом. В конце концов, разное использование представителей других религий для секса.

Но, разумеется, были и те, для кого секса не существовало (или не должно было существовать). Священники принимали celibат, отказываясь от секса, тем самым символически отделяя себя от того общества, в котором они жили. Целибат и другие практики сексуального воздержания и целомудрия (очень важные понятия христианской церкви) стали героями этой книги наряду с самыми невоздержанными сексуальными “приключениями”.

Женское же воздержание оказывалось не просто верностью идеалам (верностью Христу) и путём к святости, но ещё и возможностью обрести независимость от мужа или родственников-мужчин. Такая вот раннесредневековая эмансипация. А эмансипация женщинам того времени была очень нужна — значительная часть четвертой главы посвящена как раз женскому прелюбодеянию и наказанию за него. Особенно прелюбодеяние осуждалось, если дама состояла в браке, что ставило под вопрос отцовство её детей, наследование и прочие столь же важные вещи. В «Последней дуэли» тоже непонятно, чьим сыном является мальчик, которого родила Маргарита де Карруж примерно через девять месяцев после изнасилования.

Хоть книга Рут Мазо Каррас и про секс (как вы поняли из названия), нельзя сказать, что это порнография, состоящая только из описаний всяких непотребств (как нам бы может и хотелось!). Это профессиональное исследование о сексе и, конечно, о демографии — науке о последствиях секса, сильно огрубляя. И на секс с демографией влияло множество событий и явлений средневековой жизни. Взять хотя бы эпидемию чумы, известную как «Чёрная смерть». Медицина тогда была не на высоте и множество людей погибло от болезни. Такой демографический провал привёл к пропаганде брака для скорейшего деторождения и восстановления популяции. С этой же целью во Флоренции открывали бордели. Но подробностей истории флорентийских борделей пересказывать мы не будем, лучше вы сами их прочитаете в третьей главе. Приятного чтения!

Константин Мефтахудинов, Юрий Сапрыкин-младший

Благодарности

Идею для этой книги и для ее переработанного издания подала Виктория Питерс из издательства *Routledge*, которая прочитала мою главу для обзорной книги о Средневековье и предложила ее расширить. Я благодарна многим коллегам-медиевистам и другим историкам, которые полностью прочитали черновик первого издания и внесли свои предложения: Джоан Кадден, Анне Кларк, Мэтью Куфлеру, Жаклин Мюррей, Джону ван Энгену. При переработке текста также помогли некоторые рецензии на более ранние издания. Я также выражаю благодарность читателям из неакадемической среды, которые помогли мне понять, что в этой книге было бы для них полезнее и интереснее всего: Кристоферу Каррасу, Николе Каррас, Генри Лангсаму, Барбаре Зив. Помощь в проведении исследований к первому изданию предоставили Эллен Арнольд и Кэтрин Келси Стейплс. Джесс Иззо помогла мне с проведением исследований для третьего издания. Я также выражаю благодарность Лауре Мозерсоль из издательства *Routledge* за ее помощь с разрешениями на использование защищенных авторским правом материалов.

Я многим обязана широчайшему кругу исследователей, которых слишком много, чтобы перечислить здесь всех; их имена и работы указаны в разделе «Дополнительная литература» в конце книги. Хотя я указывала источники только в тех случаях, когда использовала прямые цитаты, такая широкая обзорная работа неизбежно опирается на исследования других ученых, и я указала, какие разделы этой книги опираются на идеи тех или иных исследователей.

Благодарности издателя

Издатели выражают благодарность за разрешение на использование материалов, защищенных авторским правом: Музею Альбертины (Вена), Библиотеке замка Шантильи; Муниципальной библиотеке Ажена; Национальной библиотеке Франции; Управляющему совету Британской библиотеки; Библиотеке университета Гейдельберга; Библиотеке Хоутона (Гарвард); Медиатеке Франсуа Миттерана (Пуатье); Метрополитен-музею (Нью-Йорк); Музею гобелена (Байё); Музею Ролена; Музею Майорки; Австрийской национальной библиотеке; Пейнтону Ковену; Музею Рединга; Земельной и университетской библиотеке Гамбурга; Художественному музею Уолтерса.

1

СЕКС И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Если спросить, какие ассоциации у вас вызывают слова «Средневековье» и «сексуальность», то у многих людей в голове возникнет одна из следующих картин. Первая — это картина полного подавления сексуальности: церковь, которую контролируют давшие обет безбрачия мужчины, порицает все действия и помыслы сексуального характера как греховные. Любое сексуальное поведение или мысль — это грех, требующий сурового наказания. Даже секс в браке с целью продолжения рода едва-едва допустим и становится грехом, если приносит наслаждение партнерам. Сексуальность ставит под угрозу спасение души: ее злой силе почти невозможно сопротивляться. Дьявол всегда насылает сексуальное искушение, чтобы уничтожить человечество и обречь его на вечные муки в аду.

Эту точку зрения — что в Средневековье сексуальность рассматривали как абсолютное зло и пытались подавить — поддерживает множество средневековых текстов. Например, мы можем обратиться к трудам отцов-пустынников: в период поздней Античности (IV-V века нашей эры) было составлено несколько сборников изречений и деяний монахов, живших в египетской пустыне в уединенных кельях (отшельническое монашество) или в группах (общежительное монашество). Эти тексты были переведены на латынь, а затем на ряд национальных европейских языков, и стали весьма популярны. В них можно встретить примеры героического самоистязания за сексуальные помыслы. В одной из таких историй дьявол подсылает женщину соблазнить монаха: она заявляет, что потерялась, и просит переночевать в его келье, поскольку она боится диких зверей.

Размышляя о популярности и распространенности подобных сюжетов, мы не можем не решить, что средневековая Европа была культурой с крайне негативным отношением к сексу. С сексуальным желанием было необходимо бороться, иногда даже ценой невероятных лишений: оно считалось порочным, оно ставило под угрозу спасение души. Данная книга охватывает период примерно с 500 по 1500 годы, то есть западноевропейское Средневековье — и, разумеется, за это время взгляды менялись; однако приведенная выше история оставалась популярной на протяжении тысячи лет, а значит, в некоторых аспектах средневековое понимание роли секса в человеческих отношениях оставалось довольно стабильным.

Этой суровой картине противостоит другой образ — более приземленный. Похотливые монахи соблазняют женщин, пришедших на исповедь; знатные мужчины содержат любовниц; монахи и монахини тайно поддерживают связь; крестьяне ведут совершенно разнузданную жизнь... Такой взгляд предполагает, что церковь лицемерна, а ее суровые учения игнорировались средневековыми людьми, которые жили с огоньком, исчезнувшим позднее, в более пуританскую эпоху.

Средневековые тексты позволяют поддержать и эту версию — приземленную, сладострастную, игривую. Хорошим примером могут послужить истории Чосера и Боккаччо или французские фаблио (юмористические стихотворные рассказы). В одном из таких рассказов жена изменяет своему мужу с молодым любовником:

А те вдвоем, рука в руке,
Уже в опочивальню входят.
Постель там посланной находят;
И дама друга своего,
Не опасаясь никого,
Целует жарко, обнимает...
Школяр же сразу приступает
К тому, что нам велит любовь:
Пытает силы вновь и вновь

В игре, приятнейшей из всех,
А даме — слаще нет утех!
И долго нежились на ложе
Они, в объятьях тесных лежа¹.

В подобных сюжетах и мужчины, и женщины получают в сексуальных отношениях удовольствие. Они делают то, что заложено в них природой: ими не движет желание продолжить род, и их не удерживает представление о сексуальности как о грехе. Это не провокационная экстремистская литература и не средневековый эквивалент порнографии. Исследователи спорят о том, кто был аудиторией таких фаблю и им подобной литературы — аристократия или горожане — но эти истории читали и мужчины, и женщины, включая, без сомнения, многих священнослужителей: читали открыто и с удовольствием.

Третье представление об отношении средневековых людей к сексу намного мрачнее: оно описывает сексуальное насилие против женщин, геев, трансгендеров, детей — иными словами, всех уязвимых социальных групп — которому XXI век уделяет особое внимание. Особенно ярко это представление отображено в неосредневековых культурных артефактах наподобие сериала «Игра престолов», где повсеместно распространено не только насилие, но и садизм. Действительно, в Средние века женщины, которые путешествовали без защиты мужчин, как Марджери Кемпе, могли опасаться изнасилования; христиане рисовали себе картины сексуализированных пыток — например, что язычники отрезали женщинам груди, чтобы заставить их отречься от христианства; девочек если выдавали замуж с наступлением менархе повсеместно, то по крайней мере такие случаи никого не удивляли; и нередко встречались случаи, когда священники растлевали мальчиков. Однако язычники в средневековых текстах пытаются

¹ “The Good Woman of Orléans,” in *The Fabliaux: A New Verse Translation*, trans. Nathaniel E. Dubin (New York: Liveright, 2013), 629. (Фаблю. Старофранцузские новеллы: «Горожанка из Орлеана»: пер. С. Вышеславцевой)

христиан потому, что они пытаются заставить их отречься, а не потому что они получают от этого удовольствие; мужчины же, которые совершают насилие в средневековых текстах, чаще всего делают это поскольку хотят секса, а не потому что хотят доминировать — в отличие от современных изображений средневековой жизни (хотя, как мы увидим ниже, эти две вещи иногда были не вполне отделимы друг от друга в мире, который практически приравнивал секс к пенетрации). Разница между этими мотивами примерно такая же, как между пилигримом Данте, который смотрит, как демоны пытаются грешников, и крестоносцем Данте из соответствующей видеоигры, где протагонист причиняет грешникам — по крайней мере, женщинам — намного более сексуализированные страдания, нежели те, что описаны в поэме Данте.

Все эти представления о средневековой сексуальности в чем-то верны, но все они основаны на современных прочтениях исторических текстов. Но дело даже не только в том, что отношение к сексу со временем менялось (хотя оно менялось); дело еще в том, что в рамках одной культуры сосуществовало несколько разных точек зрения. Конечно же, в средневековой Европе не было одной-единственной культуры: во многом латинское христианство можно рассматривать как единую культуру с некоторыми региональными вариациями, но нельзя забывать также о мусульманских политах на Пиренейском полуострове и Сицилии, а также о еврейских общинах, существовавших по всей Европе — как в христианских государствах, так и в мусульманских. Сексуальность средневекового мусульманского мира окутана теми же — если не худшими — культурными стереотипами, что и сексуальность мира христианского: достаточно вспомнить образ гарема как места, существующего исключительно для удовольствия мужчин, или представление о сексуальной эксплуатации рабов — как мужчин, так и женщин, или идею о семидесяти двух гуриях, которые будут наградой праведникам... Все эти образы прочно вошли в западный культурный вокабуляр, и они тоже основаны на средневековых текстах: в самой старой из дошедших до нас версий повесть о Шах-рияре, обрамляющая остальные сказки «Тысяча и одной ночи», включает

в себя историю о неверности жены Шахрияра и ее рабынь с африканскими рабами, жившими во дворце:

Царица и десять рабынь, которые, как поясняет текст, были наложницами царя, были казнены (история умалчивает, что произошло с рабами-мужчинами), и царь приходит к выводу о том, что все женщины распутны, и в результате устанавливается следующий порядок: царь каждую ночь выбирает новую девушку, а утром ее казнит. Этот порядок смогла нарушить только Шахерезада, которая блестяще умела рассказывать сказки.

Даже в Средние века действие «Тысяча и одной ночи» было отнесено к глубокому прошлому далекой страны (Индии), так что вряд ли она описывает реальную практику, но повсеместное требование целомудрия от женщин при сравнительной свободе мужчин — по крайней мере среди элиты — встречается в средневековых текстах повсеместно, и прямота в отношении секса здесь сочетается со строгостью религиозных догматов.

Даже в рамках одной только христианской культуры сформировались противоречащие друг другу идеи — равно как и в современной культуре можно встретить разные взгляды на сексуальность. Если вы вспомните, что о сексе и сексуальности думают разные ваши знакомые, вы обнаружите не только что разные люди придерживаются разных взглядов, но и что даже один человек может занимать разные позиции в зависимости от обстоятельств. Люди впитывают и осмысливают культуру на самых разных уровнях. Тема секса сложна особенно, поскольку она связана с религиозной моралью, общественным порядком, гендерными взаимоотношениями и репрезентациями, а также с особенностями склада ума и мировоззрения конкретных людей. Нас не должно удивлять, что такой сложный вопрос порождает запутанную сеть взглядов и представлений — а значит, эта книга ставит перед собой задачу не выявить один средневековый взгляд на сексуальность, а описать множество взглядов, которые вместе составляют соответствующий опыт живших в Средние века людей.

Стереотипы о средневековой сексуальности сильно связаны с гендером. Можно смело утверждать, что первый — «репрессивный» — стереотип, который ассоциируется с влиянием церкви, чаще всего проникает в светскую жизнь как представление о том, что женщина активна, но порочна; второй, более приземленный стереотип, который связан с мирской культурой, проникает в церковные тексты в качестве представлений о том, что мужчины активны, но их активность следует восхвалять; третья же позиция представляет женщину как пассивную жертву. Сексуальное поведение женщин считалось греховным, порочным или попросту игнорировалось; сексуальное поведение мужчин считалось следованием зову природы. Любой современный читатель знает, что такое двойные стандарты. Во всей этой книге будет считаться очевидным, что одно и то же действие для мужчин и для женщин оценивалось по-разному. Во многих случаях средневековые люди не рассматривали действия партнеров как участие в одном и том же акте.

По большей части средневековые люди понимали секс как действие, которое один человек совершает над другим. Подзаголовок этой книги — Властвуя над другими (*Doing Unto Others*), — отражает эту идею. Глаголы, которые сегодня используются для описания полового акта, чаще всего непереходные — «заняться сексом», «заняться любовью»: это действие, которое два человека совершают вместе, а один человек совершает над другим. Даже английский глагол *to fuck* («трахаться»), который изначально подразумевал пенетрацию, сейчас используется в качестве непереходного или в равной степени описывает действия как мужчин, так и к женщин: вполне можно сказать и *they fucked* (они трахались), и *she fucked him* («она его трахнула»).

Средневековая терминология была иной. Например, субъектом французского глагола *foutre* сегодня может быть мужчина, женщина или пара, но раньше его значение было «пенетрировать», и его субъектом мог быть только мужчина. То же в большинстве случаев было верно и для английского глагола *swiven*. Словарь среднеанглийского языка — *Middle English Dictionary* — указывает два значения для *swive*, «вступать в половой акт»

и «вступать в половой акт с (женщиной)». Примеров употребления этого глагола во втором, переходном значении намного больше, и во всех них мужчина является субъектом, а женщина объектом¹. Первоначальное значение латинского *concupere* было «возлечь с», и оно может показаться гендерно-нейтральным, но чаще всего субъект здесь был мужчиной. Так, в 1395 году в Лондоне был допрошен трансвестит, занимавшийся проституцией, и, согласно его показаниям в протоколе, некий священник «возлег с ним [concupuit] как с женщиной», но он сам «возлег [concupuit] как мужчина со многими монахинями»². В одном средневековом английском тексте о греховности похоти тщательно разъясняется, что грех лежит на обоих участниках полового акта, то есть на «муже действующем и жене претерпевающей»³.

Все эти лингвистические формы отражали общее отношение к сексу в Средние века. Средневековые люди чувствовали связь между активным и пассивным залогом в грамматике и активной и пассивной ролью в сексе. В XII веке Алан Лилльский написал поэму под названием «Плач природы», где он проводит параллели между определенными грамматическими формами и мужчинами, извращающими природу тем, что выбирают пассивную роль в половом акте: «Рода действительного опозоренный пол перепуган, Видя, как горько ему кануть в страдательный род. Пола часть своего пятнает муж, ставший женою... Он предикат и субъект, с двумя значеньями термин». Сама персонификация Природы утверждает, что «человеческий род, из своей родовитости выродившись, в конструкции рода варварствуя, Венерины правила извращая, пользуется неправильным метаплазмом»⁴.

¹ Middle English Dictionary, ed. Robert E. Lewis (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1988), s.v. swiven.

² David Lorenzo Boyd and Ruth Mazo Karras, "The Interrogation of a Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-Century London," *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies* 1 (1995), 463.

³ *Memoriale Credencium: A Late Middle English Manual of Theology for Lay People*, Edited from Bodley MS Tanner 201, ed. J.H.L. Kengen (Nijmegen: n.p., 1971), 141. Под «претерпеванием» имеется в виду не терпение боли, а просто пассивная роль женщины. (*Прим.пер.*)

⁴ Alain of Lille, *The Plaint of Nature*, trans. James J. Sheridan (Toronto: Pontifical Institute for Medieval Studies, 1980), 67–8, 133–5. (Алан Лилльский, «Плач Природы», пер. Р. Л. Шмараков)

Мы обсудим роль природы и естественного в средневековом понимании сексуальности дальше в этой главе; пока что важно отметить, что средневековые люди в целом рассматривали активную и пассивную роль в сексе как совершенно разные действия.

Роли «активного» и «пассивного» партнера не обязательно были основаны на том, кто инициировал секс или кто больше им наслаждался. Многие средневековые авторы считали, что женщины похотливее мужчин. Их предполагаемая пассивность не значила, что они не инициировали сексуальные отношения или что от них ждали, что они будут неподвижно лежать на спине: это значило, что они претерпевали пенетрацию. Точно так же различие между «активным» и «пассивным» партнером в отношениях между мужчинами подразумевало, что один из них пенетрирует, а другой претерпевает пенетрацию. (Это разделение провести сложно, например, в случае с фелляцией, но в Средние века такие вопросы обсуждались редко.)

Итак, секс рассматривался как нечто, что один человек делал над другим. Одно из последствий такого отношения к сексу состояло в том, что в понимании средневековых людей партнеры в сексе не были вовлечены в один и тот же акт и не получали один и тот же опыт. В средневековых представлениях о сексе взаимность не была важна. Чаще всего партнеры были разных полов, и в результате средневековые люди понимали мужской и женский опыт в сексе совсем по-разному; когда же партнеры были одного пола, возникали концептуальные проблемы. Например, в средневековых текстах возникла серьезная путаница насчет морального статуса эротических актов между женщинами, которые зачастую не считались сексом, если только одна из женщин не применяла дилдо.

Структура этой книги во многом продиктована тем, что мужской и женский опыт в сексе понимался по-разному. Современные исследователи признают, что опыт изнасилования в Средневековье переживался насильником и жертвой по-разному, однако они зачастую рассматривают прочие сексуальные акты (блуд, прелюбодеяние, проституцию, гомосексуальное поведение) как действия одного типа, примерно оди-

наковые в социальном и моральном плане для обоих партнеров. Но так как эти действия одинаковыми для обоих партнеров не были, эта книга структурирована не по типу сексуальных актов, а по статусу тех, кто их совершал (или не совершал — в случае с главой о целомудрии).

Возможно, решение выделить в книге отдельные главы о мужчинах и о женщинах и не покажется читателю спорным, но все же стоит объяснить лежащие в его основе причины. Некоторые исследователи утверждают, что средневековое понимание секса и гендера было небинарным. Например, некоторые считают, что для средневековых ученых, которые придерживались взглядов Аристотеля, существовал только один пол — мужской, а женщины считались бракованными мужчинами. Другие утверждают, что и от мужчин, и от женщин в средневековом обществе ожидалось продолжение рода, а значит — те люди, которые выбрали celibat и отказались от продолжения рода, становились не мужчинами или женщинами, а третьим гендером. Есть также мнение, что средневековый гендер был подвижным, что люди могли занимать различные гендерные позиции в зависимости от ситуации.

Однако все эти идеи разбиваются о невероятно строгое бинарное противопоставление мужчин и женщин в средневековом обществе. Хотя теоретики могли писать, что женщины — это бракованные мужчины, эти дефекты были достаточно значительными, чтобы всерьез никто их не считал мужчинами: женщины были совершенно самостоятельной категорией. Эта категория в общей иерархии стояла ниже мужчин — они были совершенно точно не «другие, но равные» — и разница между женщинами и мужчинами была существенной и для богословов, и для остальных средневековых людей. Точно так же тех людей, которые не продолжали род, в какой-то степени могли считать «недомужчинами» или «недоженщинами», но любой средневековый человек без колебаний определил бы монахинь как женщин, а монахов как мужчин. Таким образом, женщины, которые выходили за рамки гендерных ожиданий, не становились неженщинами, даже временно: они становились неправильными женщинами, и то же было верно и для мужчин. Иногда их даже рассматривали как гиперженственных или гипермаскулинных: их неправильность заключалась в том, что они слиш-